

⁷⁶ Там же. № 240. Ст. 325.

⁷⁷ РГАДА, ф. 248, оп. 7, кн. 732, л. 488.

⁷⁸ Там же, л. 489.

⁷⁹ Там же, л. 492 об., 494.

⁸⁰ *Смирнов С.К.* Указ. соч. С. 236.

⁸¹ Об этом известно из указа Синода ректору 16 апреля 1725 г. (РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 101–101 об.).

⁸² Там же, ф. 248, оп. 9, кн. 516, л. 13.

⁸³ Там же, л. 86.

⁸⁴ Соответствующий указ в Академии был получен 20 октября, о готовности оттуда доложили 26 октября, а 4 ноября ученики уже выехали «при промемории» (РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 102–102 об.).

⁸⁵ *Смирнов С.К.* Указ. соч. С. 231–232.

⁸⁶ Там же. С. 232.

⁸⁷ РГАДА, ф. 248, оп. 15, кн. 839, л. 1827; *Зубов Ю.Т.* Историография естественных наук в России (XVIII – первая половина XIX века). М., 1956. С. 30–31.

⁸⁸ РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 82–82 об.

⁸⁹ Там же, л. 198. 13 декабря 1727г. Синод повторил указ и снова велел отправлять таких учеников в московскую сенатскую контору «и ежели по отсылке кого принимать не будут тогда в Святейший Синод репортовать» (Там же, л. 215).

© 2010 г. А. Ю. АНДРЕЕВ *

Ф.-С. ЛАГАРП И РАЗРАБОТКА РЕФОРМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Реформа народного образования, по общему признанию, относится к числу ключевых либеральных преобразований Александра I. В ходе ее в 1802 г. в России появилось Министерство народного просвещения, в котором в свою очередь была разработана иерархическая система образования, остававшаяся в общих чертах неизменной до революции 1917 г. и объединявшая последовательные ступени обучения – от начальных и средних школ до университетов. Вся дореволюционная образовательная традиция основывалась на принципах александровской реформы. В то же время, как подчеркивают историки, ее реализация затянулась по меньшей мере на полвека и потребовала корректировки и дальнейших преобразований, что явилось следствием идеалистического характера данной системы, не учитывавшей те условия, в которых ее нужно было воплощать¹.

Непосредственное и активное участие в разработке реформы народного образования принимал бывший наставник наследника престола швейцарец Фредерик-Сезар Лагарп (1754–1838)², в 1784–1795 гг. преподававший вел. кн. Александру Павловичу широкий круг предметов и во многом сформировавший его мировоззрение. Собственно, Лагарп и был одним из вдохновителей этой реформы, поскольку в период воспитания сумел внушить будущему императору мысль о том, что необходимым условием для блага народа является просвещение. Именно Лагарпом была сформулирована главная задача правления Александра I, в которую тот глубоко верил: «Постепенно просветить свой народ, чтобы он сделался достойным оценить все блага гражданской свободы и наслаждался бы ими без возможности ими злоупотреблять»³. В начале царствования молодой монарх неуклонно старался ее разрешить.

* **Андреев Андрей Юрьевич**, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

В то же время, вклад Лагарпа в подготовку реформы оценивался современниками и историками неоднозначно: ее «идеализм» часто связывают именно с влиянием царского наставника. Наиболее жестко эта позиция была выражена еще членом Негласного комитета кн. А. Чарторыйским. В своих мемуарах, написанных в середине XIX в., он относил Лагарпа к «поколению, воспитанному на иллюзиях конца восемнадцатого века – к тем людям, которые воображали, что их доктрины, как новый философский камень, как новое универсальное лекарство, разрешали все вопросы, и что одними сакраментальными формулами можно рассеять все многообразные препятствия, выдвигаемые практической жизнью при осуществлении отвлеченных идеалов». У Лагарпа, по мнению князя, «было для России свое всеисцеляющее средство, о котором он распространялся в своих писаниях так многоречиво, что у самого императора не хватало терпения дочитывать их». Тем не менее «император очень не любил насмешливых отзывов о ничтожестве писаний Лагарпа, и наоборот, одобрение каких-либо предложений правителя Гельвеции доставляло ему большое удовольствие». Подчеркивая парадоксальность положения «революционера», готовящего проекты для укрепления самодержавной империи, Чарторыйский утверждал, будто «несомненно, что пребывание Лагарпа в Петербурге в начале царствования Александра не имело никакого значения, как равно он не оказал никакого или почти никакого влияния и на последующие реформы этого царствования»⁴.

Какую же роль в действительности сыграл Лагарп при создании системы народного просвещения в России? С одной стороны, С.В. Рождественский, а позже Ф.А. Петров подчеркивали, что инициатива учреждения Министерства народного просвещения и общие контуры его организации восходят к записке, представленной Лагарпом Александру I в декабре 1801 г.⁵ С другой стороны, еще М.И. Сухомлинов отмечал: «Как не очевидно кажется, что главное правление училищ открыто по мысли и влиянию Лагарпа», но есть ряд соображений, которые «удерживают от подобного вывода, или по крайней мере значительно его ослабляют». Дж. Флинн, опираясь на свидетельство Чарторыйского, вообще стремился показать, что проекты Лагарпа в области народного просвещения не оказали никакого влияния на членов Негласного комитета и практически были проигнорированы⁶. Однако детально осветить роль Лагарпа можно лишь обратившись к его переписке с Александром I, которая, хотя и была полностью опубликована в 1978–1980 гг., до сих пор еще почти не использовалась в отечественной историографии⁷.

В период пребывания Лагарпа в России (с августа 1801 г. по май 1802 г.) вопрос о реформе народного образования занимал значительное место в его посланиях к императору, а также в ответных письмах Александра I 1802–1803 гг. Исключительно этому вопросу были посвящены по меньшей мере 3 развернутых проекта (меморандума), которые Лагарп направлял императору для чтения в Негласном комитете⁸. Уже 16 октября 1801 г. в своем знаменитом первом программном письме, посвященном будущим реформам Александра I, Лагарп писал о том, что «образование и законодательство, приспособленные к потребностям Вашей империи, – таковы суть два основных раздела Вашей работы», причем действенное изменение законов невозможно без фундаментальной образовательной реформы. Для ее проведения необходимо создать «особый и независимый департамент, которому Вы должны дать очень простую организацию, с тем чтобы ясно видеть результаты его деятельности, и столь точные инструкции, чтобы эти результаты не смогли бы быть иллюзорными»⁹.

В последующих письмах, 15 декабря 1801 г. и 2 апреля 1802 г., Лагарп конкретизировал свое видение организации этого «департамента» или «министерства» (оба понятия выступают как взаимозаменяемые). К его ведению следовало отнести все училища, как казенные (за исключением военных, горных и воспитательных учреждений императрицы Марии), так и частные – на правах надзора, а также типографии, библиотеки и музеи. Департамент должен был состоять из небольшого количества служащих, находящихся в Петербурге, но зато в каждой губернии предлагалось учредить «образовательные советы» (*conseils d'éducation*), которые управлялись бы департамен-

том непосредственно, минуя губернатора. Им поручался контроль за состоянием всех местных школ, для чего члены советов под именем «губернских смотрителей училищ» (*inspecteurs provinciaux*) регулярно должны были их инспектировать. Смотрители училищ назначались по представлению дворянского собрания сроком на 2 года с правом повторного избрания и могли быть уволены с должности только по решению департамента¹⁰.

Лагарп настаивал, что департамент нужно создавать срочно, не дожидаясь общей организации министерств, для которых он послужил бы «маяком». Всякое промедление в этом вопросе было, по его мнению, вообще пагубно для задуманных реформ. 23 декабря 1801 г., вскоре после получения от Лагарпа первого из проектов устройства департамента, Александр I вынес его на рассмотрение Негласного комитета, где он был в принципе одобрен как «молодыми друзьями», так и самим императором. Граф П.А. Строганов от лица всех высказал полное согласие с мыслью Лагарпа о том, что народное образование в России должно составлять единую систему. Позднее Н.Н. Новосильцев, готовя общий указ о создании министерств, подчеркивал, что хотел бы внести туда «вполне достойные» идеи Лагарпа в отношении Министерства народного просвещения¹¹. Таким образом, нельзя говорить о полном «игнорировании» Негласным комитетом проектов Лагарпа, которому бесспорно принадлежала инициатива создания в России Министерства народного просвещения.

Откуда Лагарп черпал сведения для своих предложений по организации школьного дела? В первую очередь, он руководствовался опытом собственной деятельности в Директории Гельветической республики¹². В соответствии с ним основное внимание Лагарп уделял созданию начальных и средних школ в деревнях, а не городских училищ: «Пусть города имеют свои университеты и гимназии, на здоровье, но пусть и деревни получают школы, где будут по крайней мере учить читать, писать и считать». Важность таких школ Лагарп подчеркивал на примерах Голландии, протестантской Германии, Англии, Америки, одновременно упрекая новую французскую образовательную систему в их отсутствии, т.е. в нежелании нести образование народу – «сельским жителям, которые составляют большинство нации»¹³.

В России вопрос об открытии таких школ впервые был поставлен Екатериной II. В 1782 г. с этой целью была основана Комиссия об учреждении народных училищ. Лагарп интересовался ее работой еще в бытность наставником будущего императора, а теперь специально попросил Александра предоставить ему отчеты Комиссии. 4 марта 1802 г. он послал царю результаты своего анализа полученных материалов¹⁴. Значительная часть сведений, предоставляемых Комиссией, оказалась недостоверной, «школы существовали лишь на бумаге», но даже из тех цифр, которые приводились в отчетах (Лагарп насчитал около 20 тыс. учеников), было видно, что этого совершенно недостаточно для России. Как указывал Лагарп, «княжество среднего размера в протестантской Германии обладает большим количеством школ, учителей и учеников, чем столь пространная империя», а ведь «именно эти школы должны формировать большую часть подданных для государственной службы, торговли, промышленности и т.д.»¹⁵.

Вывод Лагарпа о деятельности Комиссии неутешителен: она не достигла своей цели и даже приносит вред недостоверностью своих сведений, а потому требует полного роспуска, после чего сведения о существующих в России школах необходимо собирать заново, чем и должен заняться новый департамент. Лагарп подчеркивал, что лишь после сбора таких сведений и выяснения достоверной картины текущего состояния народных училищ в империи можно приступать к разработке конкретных мер по реформированию системы образования: «Советовать сейчас те или иные меры было бы абсурдным; их соответствие или несоответствие зависит от фактов, которые еще не известны в достаточной степени»¹⁶. Таким образом, Лагарп вовсе не придерживался какой-либо предвзятой теории. В позднейшем примечании к приведенным выше словам он отмечал, что только его враги, боявшиеся человека, который говорит самодержцу правду, пытались выставить его «новатором, чьи советы могли сбить с пути императора и всю Россию»¹⁷. Не желая заранее положить в основание системы народного про-

свещения в России какую-либо доктрину, Лагарп лишь указывал, что ее необходимо создавать «снизу вверх», заботясь, прежде всего, о сельских начальных школах для большинства народа, а затем уже – о школах более высокого уровня в городах (гимназиях). «Что касается академий и университетов, – писал он, – то их создание подразумевает вначале реформу школ и гимназий»¹⁸.

Наконец, не пытаясь преждевременно формулировать принципы работы будущего министерства, Лагарп придавал огромное значение правильному подбору служащих. По его мнению, прежняя екатерининская Комиссия потерпела неудачу прежде всего из-за того, что были выбраны люди, неспособные справиться с поставленной перед ними задачей, и теперь эту Комиссию нужно полностью отстранить от дел нового департамента, как «тело, пораженное гангреной». «Ваше Величество, – заклинал императора Лагарп, – имейте мужество назначать *людей*, следить за их трудами; наказывайте не поддающихся исправлению. Берегитесь назначать в департамент, который должен быть в высшей степени деятельным и умело организованным, людей без энергии, без знаний, неспособных к либеральным взглядам и привыкших пресмыкаться»¹⁹. Чтобы избежать «деспотизма» министра, поставленного во главе департамента, Лагарп предлагал учредить для контроля за деятельностью главы ведомства совет министерства, который мог бы при необходимости «стимулировать, разъяснять и направлять на верный путь» министра. Но самое главное для Лагарпа – дать всем понять, что народное образование входит в сферу личного внимания и серьезных занятий самого монарха, готового использовать «всю силу абсолютного, неограниченного самодержавия», дабы стать «защитником просвещения и разумной свободы»²⁰. Исходя из этого, Лагарп советовал назвать руководителя министерства «вице-президентом» (с тем, чтобы «президентом» считался сам царь) и замещать этот пост членами совета на основе ротации. Последнее подкреплялось сетованиями на отсутствие кандидата, достойного постоянно возглавлять министерство. «Трудность найти такого человека, – писал он, – повлекла меня к мысли сформировать немногочисленную коллегия, которую можно организовать таким образом, чтобы председательство, т.е. драгоценное право иметь доклад перед императором, было лишь временным»²¹. Лагарп внес и собственный вклад в подбор кадров нового ведомства, рекомендовав Александру I 2 апреля 1802 г. Ф.И. Клингера как человека, обладающего всеми необходимыми качествами, который тогда же направил императору проект создания начальных школ, сходный с идеями Лагарпа²².

Итак, намечая в своей переписке с императором реформу народного образования, Лагарп выступал вполне умеренным, совершенно не склонным к доктринерству деятелем, пытавшимся использовать преимущества самодержавия для скорейшего роста образовательного уровня большинства населения, которое в случае успеха могло бы выдвинуть достаточное количество просвещенных людей для государственной службы и общественной жизни. Помимо этого, Лагарп рассматривал народное образование в качестве средства унификации империи. На окраинах оно должно было усилить привязанность подданных к престолу, дарующему им блага просвещения. Лагарп поддерживал реформу гимназии в Митаве и создание нового, второго на территории империи, университета в Дерпте. «Денежные затраты, которые Вы понесете, чтобы поддержать эти благородные учреждения, вернет Вам в стократном размере то поколение, которое будет в них образовано», – убеждал он Александра, и подобными мерами «Вы докажете его представителям, что у них у всех одна родина; Вы научите их гордиться именем российских граждан»²³.

Следует отметить, что реализация реформы значительно отошла от предложений Лагарпа. Несмотря на его призывы не медлить, Министерство народного просвещения было образовано только на основании общего манифеста о создании министерств 8 сентября 1802 г., а собственно работа по организации ведомства происходила осенью и зимой 1802 г., когда Лагарпа уже не было в России²⁴. Министром народного просвещения, вопреки советам Лагарпа, стал граф П.В. Завадовский, член прежней екатерининской Комиссии. В письмах к Александру I Лагарп аттестовал его крайне низко, как человека, неспособного к активной работе, необходимой на этом посту²⁵. В ответ

император уверял своего наставника, что роль Завадовского в министерстве близка к нулю, поскольку «всем управляет совет, составленный из Муравьева, Клингера, Чарторыйского, Новосильцева и проч.; нет ни одной бумаги, которая не была бы разработана ими, ни одного человека, который не был бы ими назначен»²⁶. Действительно, в соответствии с рекомендациями Лагарпа, при министре был создан коллегиальный орган – новая Комиссия об училищах, преобразованная в январе 1803 г. в Главное правление училищ. Однако в него вошли как некоторые из «молодых друзей», так и несколько членов бывшей Комиссии, против чего всегда возражал Лагарп²⁷.

При этом деятельность «молодых друзей» императора в Министерстве народного просвещения также заметно отклонялась от намеченного Лагарпом направления. Видную роль здесь сыграл кн. Чарторыйский, чья пренебрежительная оценка проектов Лагарпа была приведена выше. Теперь, правда, ее можно представить в ином свете, поскольку фактически сам Чарторыйский и способствовал тому, чтобы советы Лагарпа не осуществились на практике. Именно он, опираясь на опыт Эдукационной комиссии в Польше, выдвинул и отстоял перед императором идею распределения всех училищ России по большим территориальным единицам – учебным округам, охватывавшим несколько губерний. Во главе каждого из них был поставлен особый член Главного правления училищ, названный «попечителем»²⁸. Реформа школ в каждом округе могла иметь свои особенности, например, в отношении программ или даже языка преподавания. При этом, став попечителем Виленского учебного округа, Чарторыйский включил в него все бывшие земли Речи Посполитой, вошедшие в состав Российской империи в конце XVIII в. В своих мемуарах князь признавался, что хотел через систему образования способствовать делу восстановления Польши, воспитания польского сознания путем распространения школ с обучением на польском языке, как это и происходило на деле вплоть до начала 1830-х гг.²⁹ Между тем идея «национально ориентированных» учебных округов вовсе не соответствовала представлениям Лагарпа об образовании как средстве унификации и сплочения империи.

Кроме того, Чарторыйский в своем докладе в Комиссию об училищах в октябре 1802 г. всячески делал акцент на роли университета как главного орудия министерства в учебном округе. На университеты, по его мнению, следовало возложить и «надзор за низшими училищами»³⁰. В результате *реформа народного просвещения превращалась преимущественно в университетскую*. Уже 8 сентября 1802 г. в манифесте, сопровождавшем открытие министерства, говорилось, что учреждение университетов в каждом учебном округе является первой и главной целью преобразования³¹. Таким образом, новая система народного образования начинала строиться «сверху вниз» – опять-таки, вопреки всему тому, что писал об этом Лагарп³².

Последствия этого не замедлили сказаться, отразившись на всей образовательной системе России. Так, по мысли Лагарпа, назначение профессоров и учителей должно было целиком зависеть от министерства, которое под высшим контролем императора «назначает или увольняет профессоров и вообще всех служащих в учреждениях народного просвещения»³³. Однако в соответствии с новыми принципами, которые отстаивал перед императором Чарторыйский (а позже и профессор Дерптского университета Г.Ф. Паррот), университеты получили традиционное корпоративное устройство, а следовательно профессора в них выбирались путем баллотировки, министр же получал лишь право утверждения результатов выборов³⁴. Далее сами профессора на Совете университета выбирали учителей и директоров нижестоящих училищ и контролировали их деятельность. Такая система выглядела гораздо более «либеральной», нежели предложения Лагарпа, однако, как показал уже к тому времени опыт многих европейских университетов, профессорская корпорация не могла сама по себе поддерживать высокий научный уровень преподавания. Еще менее она была заинтересована в том, чтобы искать способных учителей для низших школ³⁵. Деятельность университетских профессоров по надзору за школами (так называемые визитации) также оказалась малоэффективной, и от нее впоследствии пришлось отказаться³⁶.

Тем не менее вклад Лагарпа в реформу бесспорно был существенным. Именно он инициировал создание в России Министерства народного просвещения. В соответствии с опытом Гельветической республики Лагарп хотел сосредоточить внимание министерства на организации сети начальных школ для народа, которые составили бы фундамент для последующего учреждения высших учебных заведений. В своих предложениях он высказывал весьма умеренные взгляды, избегал готовых рецептов, желая собрать больше сведений о действительном состоянии образования в России, а для успеха реформы стремился использовать всю силу самодержавия. Однако уже после отъезда Лагарпа из России под давлением «молодых друзей» император отказался от нескольких важных принципов реформы, которые предлагал Лагарп. Внешне став более «либеральной», реформа утратила при этом «реализуемость». К тому же, вопреки настояниям учителя, Александр I не смог в достаточной мере обеспечить кадровый состав министерства, соответствующий его задачам. И главное, реформа народного образования стала реализовываться «сверху вниз», начиная с университетов, которые не имели фундамента в виде школ низшего уровня. Это на долгие годы предопределило трудности ее осуществления и необходимость последующего пересмотра.

Примечания

¹ О создании новой системы народного просвещения в начале царствования Александра I см.: *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории просвещения в России в царствования Александра I // *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889; *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902; *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. М., 2002; *Kusber J.* Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Stuttgart. 2004. Анализ критики и противоречий университетской реформы Александра I см.: *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 372–407.

² Существуют различные варианты написания имени. Исходно его дворянская фамилия писалась «de La Harpe», но под влиянием французской революции ее обладатель отбросил дворянскую приставку и начал подписываться «Laharpe» (именно так подписывал он все свои письма к Александру I). В современной зарубежной литературе употребляется первоначальный полный вариант фамилии. Автор единственной подробной биографии Лагарпа на русском языке М.И. Сухомлинов использовал вслед за его первым биографом Г. Цшокке, писавшим по-немецки, «революционный» вариант фамилии, а имя передал в германизированной форме, хотя оно никогда так не звучало на его родине, во франкоязычном кантоне Во (*Сухомлинов М.И.* Фридрих Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I. СПб., 1871). В таком виде и с такими инициалами (Ф.Ц. Лагарп) оно и закрепилось в отечественной историографии, хотя в некоторых работах конца XIX – начала XX в. встречается и двойное написание фамилии «Ла Гарп». Как представляется, правильным было бы восстановить франкоязычное звучание имени, сохраняя традиционное для русской историографии слитное написание фамилии.

³ Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er (publiée par J.Ch. Biaudet et F. Nicod). Vol. 1. Neuchâtel, 1978. P. 320.

⁴ Мемуары князя А. Чарторижского и его переписка с императором Александром I Т. 1. М., 1912. С. 237–239.

⁵ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 32; *Петров Ф.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 133–135.

⁶ *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи... Т. 2. СПб., 1889. С. 129; *Flynn T.* The University Reform of Tsar Alexander I. 1802–1835. Washington, 1988. P. 14.

⁷ Оригиналы писем находятся в РГАДА (ф. 5), и ГА РФ (ф. 728). Частично они публиковались в 1870 г. (Сборник Императорского Русского исторического Общества. Т. 5. СПб., 1870). Полное издание переписки было выполнено по копиям, подготовленным к публикации самим Лагарпом (с его собственноручными комментариями), которые хранятся в Bibliothèque cantonale et universitaire (BCU) de Lausanne (Fonds La Harpe): Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er. Vol. 1. Neuchâtel, 1978. За прошедшие 30 лет в отечественной историографии к этому изданию обращался лишь М.М. Сафонов, однако реформа системы народного просвещения им не рассматривалась (*Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX века. Л., 1988).

⁸ «Идеи к проекту предварительной организации народного образования, представленные императору 15 декабря 1801 г.», меморандум 4 марта 1802 г. и его сокращенные «Результаты», посвященные анализу текущего состояния народного образования в России, а также составленный 2 апреля 1802 г. «Проект указа о реформе народного образования» (Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er. Vol. 1. P. 368–372, 496–503, 526–532). Общую картину взаимоотношений между Лагарпом и Александром I в этот период см.: *Biaudet J.Ch. Introduction // Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I-er. Vol. 1. P. 25–29.*

⁹ Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er. Vol. 1. P. 320–321.

¹⁰ Ibid. P. 369, 371, 528.

¹¹ *Николай Михайлович, вел. князь. Граф П.А. Строганов. Историческое исследование эпохи императора Александра I.* СПб., 1903. Т. 2. С. 144–147, 211.

¹² С середины лета 1798 г. до начала 1800 г. Лагарп возглавлял директорию Гельветической республики – унитарного государства, образованного на месте прежней конфедерации швейцарских кантонов. На этом посту ему пришлось решать задачу унификации и сплочения государства, в том числе, посредством новой системы образования. См.: *Сухомлинов М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 110–112.*

¹³ Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er. Vol. 1. P. 320.

¹⁴ Ibid. P. 374–375. При этом Лагарп подготовил обширный том, куда поместил выписки и таблицы, составленные по материалам отчетов Комиссии об учреждении народных училищ: BCU de Lausanne, Fonds La Harpe. G. Aa 41, 42.

¹⁵ Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er. Vol. 1. P. 495–496, 499.

¹⁶ Ibid. P. 502.

¹⁷ Ibid. P. 504. Примечание датировано августом 1807 г.

¹⁸ Ibid. P. 371.

¹⁹ Ibid. P. 496, 502.

²⁰ Ibid. P. 321–322, 368.

²¹ Ibid. P. 503–504, 527, 532.

²² Ibid. P. 525. Фридрих Максимилиан (в России Федор Иванович) Клингер, близкий друг Гёте, был директором кадетского корпуса в Петербурге, а с 1802 г. служил в Министерстве народного просвещения, участвовал в разработке реформы и в 1803–1817 гг. исполнял обязанности попечителя Дерптского учебного округа. См.: F.M. Klinger. Ein verbannter Göttersohn. Lebensspuren (1752–1831) (hg. von G. Uedling). Stuttgart, 1981.

²³ Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er. Vol. 1. P. 319, 327.

²⁴ 11 апреля 1802 г. члены Негласного комитета отклонили предложение Лагарпа о немедленном создании Министерства народного просвещения (несмотря на позитивное отношение к нему императора), мотивируя это тем, что «нельзя отделять общее преобразование от одной из его частей, из-за чего может получиться только весьма досадное расхождение». Как полагали «молодые друзья», разница во времени «не составит более двух-трех недель, а это не является достаточным основанием для того, чтобы спешно создавать министерство раньше срока». См.: *Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 2. С. 211.*

²⁵ Реакция Лагарпа на назначение Завадовского, о котором он узнал уже за пределами России, была резко негативной (Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er. Vol. 1. P. 497).

²⁶ Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er. T. 2. P. 46. Эти слова, написанные императором 7 июля 1803 г., мягко говоря, не соответствовали действительности: Завадовский довольно быстро смог подчинить всю деятельность министерства своей личной канцелярии, так что по словам правителя дел Главного правления училищ В.Н. Каразина (написанным в августе 1803 г.) в отношении наиболее важных дел был «и предлагатель, и исполнитель, и член, и председатель, и министр» (Русская старина. 1875. № 10. С. 274).

²⁷ Старая же екатерининская Комиссия была распущена лишь спустя несколько месяцев после создания Министерства народного просвещения. С.Ф. Платонов высказал даже мнение, что осенью и зимой 1802 г. «обе Комиссии существовали параллельно во внутренней связи», потому что «опыт и знания старой Комиссии оказались необходимы для новой». Но это и было как раз то, против чего энергично протестовал Лагарп! (Описание дел Архива Министерства народного просвещения. Т. 1. Пг., 1917. С. 85).

²⁸ *Сухомлинов М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 41–42.*

²⁹ Там же. С. 14–21; *Beauvois D. Lumières et société en Europe de l'est: l'université de Vilna et les écoles polonaises de l'Empire russe (1803–1832). Vol. 1–2. Lille, 1977.*

³⁰ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 49; Сборник материалов для истории просвещения в России. СПб., 1897. Т. 2. С. 18. Проект кн. А. Чарторыйского «Начала для образования народного воспитания в Российской империи» был представлен 4 октября 1802 г.

³¹ ПСЗ-I. Т. 27. СПб., 1830. № 20407.

³² Отход от идеи Лагарпа о скорейшем создании в России сети начальных и средних школ был намечен еще раньше. Характерно обсуждение в Негласном комитете 11 апреля 1802 г. иницированного Лагарпом проекта Клингера. Новосильцев полностью его раскритиковал, ссылаясь на то, что в России слишком большая территория, мало учителей и много сел, чтобы в каждом из них открывать школу. Предложение набирать учителей из выпускников семинарий он также не одобрил, опасаясь, что это ослабит общий уровень духовенства. Как полагал Новосильцев, пусть лучше в селах по-прежнему преподают священники, образовательный уровень которых со временем естественным образом будет расти. На возражение Александра I, не слишком ли долго этого ждать, Новосильцев заметил, что зато это наверняка и надежнее, чем скорые, но сомнительные меры (*Николай Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. Т. 2. С. 211–212).

³³ Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er. Vol. 1. P. 369.

³⁴ *Андреев А.Ю.* Император Александр I, профессор Г.Ф. Паррот и возникновение «университетской автономии» в России // Отечественная история. 2006. № 6. С. 19–30.

³⁵ *Meiners Ch.* Geschichte der Entstehung und Entwicklung der hohen Schulen unsers Erdtheils. Göttingen, 1805. Vol. 4. P. 214–215. О последствиях развития корпоративности в российских университетах начала XIX в. см.: *Андреев А.Ю.* Российские университеты... С. 464–467.

³⁶ «Смешно и жалко видеть сих бедных профессоров, которые всякую осень трясутся в кибитках по дорогам!», – писал Карамзин (*Карамзин И.М.* Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 67). Анализ докладов «визитаторов» см.: *Kusber J.* Op. cit. S. 394–404.

© 2010 г. Е. А. КАЛИНИНА*

ДИРЕКТОР НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века

В первой половине XIX в. в России была создана эффективная система управления народным образованием, важным звеном которой являлись губернские дирекции народных училищ. Они сыграли значительную роль в становлении и развитии просвещения в стране. Изучение их деятельности, в частности на Русском Севере, в губерниях Санкт-Петербургского учебного округа, позволяет лучше понять взаимосвязь всех уровней образования в Российской империи, а также политику учебного ведомства и ее реализацию на местах в дореформенное время. Между тем дирекциям народных училищ не уделялось должного внимания в историографии¹. Долгое время господствовало представление о директорах гимназий как о консервативной группе чиновников, а о дирекциях училищ и их руководителях говорилось лишь в общих обзорах². Только в последние годы стали появляться работы, в которых раскрывается роль директоров народных училищ в системе управления народным просвещением в императорской России³.

В январе 1803 г. были изданы «Предварительные правила народного просвещения», определившие основы новой учебной системы. Территория империи делилась на учебные округа, во главе которых были поставлены попечители. В каждом округе учреждался университет, а в губернских городах создавались гимназии, находившиеся под наблюдением университетов. Директор гимназии являлся одновременно и директором народных училищ губернии. Он контролировал деятельность всех учебных заведений, в том числе частных школ, «имея в губернии общее смотрение» за училищами⁴. Свои донесения, отчеты, планы, проекты и мнения «обо всех предметах, касающихся

* **Калинина Елена Александровна**, кандидат исторических наук, учитель истории Эссойльской средней школы (Карелия).